

домахъ и т. п. Далѣе, если иностранные обычаи брали силу (какъ думаютъ, незаконную) надъ старымъ русскимъ обычаемъ, значить, послѣдній самъ не имѣлъ достаточной внутренней силы и не могъ удовлетворить тѣмъ потребностямъ знанія и обществѣнности, какія являлись съ реформой. Мало обращали вниманія и на другое обстоятельство, — что если было (и иногда дѣйствительно было) зло и темныя стороны въ заимствованномъ иноземномъ обычаѣ, и однако обличеніе оставалось, какъ это извѣстно, недѣйствительнымъ, то вѣроятно былъ какой-нибудь недостатокъ или ошибка въ самомъ обличеніи: или оно направляемо было невѣрно, не на дѣйствительную причину зла, или выставляло взаимнѣе обличаемаго что-нибудь еще болѣе слабое и странное. Такими недостатками, за немногими исключеніями, дѣйствительно и отличалась морализирующая сатира прошлаго вѣка; тамъ, гдѣ она покушалась сказать правду, указать дѣйствительное зло, ей зажимали ротъ, — какъ Новикову и Радищеву, а также и фонъ-Визину. Позднѣе, полемика противъ «галломаніи» сводилась болѣею частью на пустословіе, или на лицемеріе, а иной разъ была и просто смѣшна, какъ напр. полемическія писанія Шишкова.

Ближайшее изученіе XVIII вѣка указываетъ также настоящіе размѣры той «оторванности отъ народныхъ началъ», какая приписывается нововведеніямъ Петра. Первые преемники Петра не въ силахъ были достойнымъ образомъ продолжать его дѣло; оно держалось только силой инерціи: еслибы, дѣйствительно, оно было такимъ нарушеніемъ національной сущности, какъ объ этомъ твердятъ, то въ этихъ условіяхъ неизбежна была бы реакція — національная старина, освободившись отъ гнета личности преобразователя, должна была бы воспрянуть снова, заявить свое историческое право, удалить чужеземчину, внесенную въ жизнь рукой «произвола». Если когда-нибудь, то именно въ полустолѣтіе отъ смерти Петра до вцаренія Екатерины II могла бы совершиться старо-московская реставрація; но она не совершилась. Во-первыхъ, слишкомъ ясно было, что все основное въ реформѣ было настоятельно нужно; во-вторыхъ, если было въ ней что-нибудь поспѣшно насаждаемое, или излишнее, или очень отзывавшееся иноземнымъ, то для переработки этого требовалось время и большая степень сознанія и въ обществѣ, и въ самой правительственной сферѣ; а вещи второстепенныя безъ особенныхъ заботъ отпадали. вмѣсто реакціи мы наблюдаемъ въ тогдѣшней правительственной и общественной жизни совершенно обратное: она весьма легко воспринимала реформу; какъ прави-